

Рассказ о походах Емельяна Пугачева на Оренбург и Казань

— Пугачев раньше был донским казаком. Прибыв к Яику, был в работниках у одного яицкого казака на хуторе — пас скот. Он был человеком, искусно владевшим речью, умел себя держать, и на лицо привлекательным. Это было во времена кончины царя Петра Федоровича. Но среди народа ходили слухи о том, что он жив, не умер, что он скрывается. Однажды какой-то старый казак спросил Пугачева: «Не Петр ли Федорович ты?» Пугачев моментально ответил, предупредив: «Однако, дед, об этом никому не говори». После этого случая старый казак втихомолку начал говорить каждому: «Смотри, не будь радивым, вот он, Петр Федорович!» В эти времена, когда царицей стала бабушка, был объявлен приказ яицким казакам, чтобы они брили бороды. По причине насильного и принудительного бритья и облачения яицких казаков в форменные мундиры, в эти времена они были в состоянии беспомощности и измучены. После этого Пугачев по всему Яику принимает известность под именем Петра Федоровича. Народ начинает собираться к нему. Вначале он, возведенный на коня и выведенный из хутора, повел за собою батраков-пастухов, затем все население Яика, и осаждали город Оренбург. В это время в Оренбурге была большая нужда, и много людей погибло с голода. В это время брат нашего дедушки Аита — Сагит жил в Оренбурге. Он рассказывал, — население города до того изголодалось, что ели разбросанные около кузницы куски, выскобленные при ковке лошадей из-под копыт. Сам же дедушка Сагит, по его рассказам, питался имевшейся у него с пуд ржаной мукой, зарытой им в землю, размешивая ее понемногу в теплой воде. Еще рассказывал он: Однажды во время осады города Пугачевым, и когда Оренбург был в состоянии сдачи не сегодня так завтра, река Яик за ночь покрылась тонким слоем льда. По приказанию губернатора, егеря ночью организовали вылазку некоторого количества войск, которые, опираясь на палки, перешли через лед и открыли по пугачевцам огонь. Последние, приняв их за прибывшие на помощь осажденным войска, в беспорядке разбежались во все стороны. Рассказывал еще отец: После этого Пугачев прибыл к Казани. Наш дедушка Аит в это время проживал в Яицке. В Яицке в это время говорили, что Пугачев пошел занять Казань. Дедушка Аит отвечал им, что Пугачеву так

скоро не удастся занять Казань, даже царь Иван Васильевич занял ее только после семилетней осады. Об этом его заявлении донесли яицкому атаману — ставленнику Пугачева. По приказанию атамана, его, связанного по рукам и ногам сырым сыромятным ремнем, выбросили в поле. Друзья дедушки Аита тут же принимают меры — идут к атаману и заявляют, что он невиновен. После благовидного их разговора получают приказание развязать его. Неизвестно, сколько времени пришлось деду пролежать, однако от сильно натянутого сырого ремня руки и ноги так распухли, что его не было видно; старика спасли, срезав ремни. Дедушка Аит тотчас после этого случая преподнес атаману два шелковых платка для знамени пугачевских войск. Еще рассказывал дед Аит: После этого в Яицке был такой беспорядок, — из моих нескольких тысяч овчин пугачевцы сделали мост через брод реки Яика и переправили войска.

То, очевидцем чего был мой отец.

Покойный отец говорил:

— Когда Пугачев прибыл в Казань, тогда я был мальчиком, приблизительно, лет десяти. Во-первых, казанский губернатор... получив сведения о приближении Пугачева, запретил бистинцам (жителям татарской слободы) выезд на макарьевскую ярмарку. По прибытии Пугачева в Казань, в эти времена предводителем казанских татар был некий Ибрагим... Ибрагим распорядился собрать вместе все припасы — лепешки, баурсаки, сухари, хлеб, мед, масло, яйца, брагу и прочие припасы, приготовленные на макарьевскую дорогу — и разложить на скамейках, поставленных для этой цели во дворе мечети. Это и было сделано. Через некоторое время стали подходить башкиры из пугачевской армии, чувашаи, черемисы и прочий сборный народ, некоторые из них были в поповском облачении, некоторые одеты в штофные одеяния и некоторые в женских халатах; некоторые были одеты в шелковые и штофные женские (русские) платья и вооружены пиками, ружьями, железными вилами, косами, а иные пикообразными жердями, с обожженными острыми концами. Все старики, во главе с упомянутым Ибрагимом, собрались у мечети. Прибывшие из пугачевских войск башкиры спрашивали: «В мире ли вы или во вражде?» Старики отвечали; «В мире, в мире», Башкиры: «Если вы в мире, то идите к батюшке нашему и дайте присягу в верноподданстве». После чего казанцы, высадив их с коней, кормят и поят, а затем башкиры, уходя, повторно предлагают пойти к их батюшке и дать присягу в верноподданстве.

Господин Аитов Мухаммедзян говорил: за год до похода Пугачева на Казань из нашей Казани было отправлено несколько человек на военную службу в Бугульминск. Среди них были — не то отец красильщика Мухаммедьяра — Губайдулла, не то его дед мулла Юсуф — человек воинственный. Встретив в Бугульминске упомянутого муллу Юсуфа, пугачевский полковник, некий Аит, спросил: «Знаешь ли ты моего друга Аита, проживающего в (татарской) слободе?» Получив утвердительный ответ, полковник передал шапку из куницы, говоря, что эту шапку он снял с только что застреленного им насмерть русского полковника. Однако нам неизвестно, как могли встретиться люди противоположных лагерей.

После такого рода двух-трехдневных мытарств и беспрестанных предложений, старик Ибрагим заявил народу: «Теперь делать нечего». Вооружив и посадив на коней семнадцать человек и повязав на правые руки синие тряпки — знаки пугачевцев, под руководством (Ибрагима), вооруженного луком и дубиной, обходом белых песков, кругом Мокрого, направились они на Арское поле. Увидев в это время в направлении московской дороги поднятую большую пыль, он сказал: «Ой, джигиты, сойдите с коней, подкрепите ремни от седел и перевяжите синие тряпки на левую руку». После этого, распорядясь сесть на коней, сказал: «Эта пыль, очевидно, поднята войсками генерала Михельсона, идущего от падишаха (царицы) на помощь городу. Идите к нему». Эти джигиты, поскакав галопом, присоединились к отрядам Михельсона. В то самое время пугачевские войска, шныряя по улицам, убивали первого попавшегося русского. В то время, когда мы высматривали через щель лавки (магазина), увидели, как один башкир, догнав поповского сына, колот его пикой около лавки. Поповский сын раздирающе крикнул. Однако пика, оказывается, не задела его. Он влез в расщелину нашей лавки. В эти дни, боясь держать дома, отправили нас в Новую слободу — меня, Мусу и одну из девиц-прислуг. Почему-то мы влезли под какую-то лодку под Новой слободкой. Муса был молод и шаловлив. Когда он под лодкой начал шалить и голосить, то это очень испугало прислугу, — она завопила, что он погубит нас. После этого вечером мы вернулись домой. Тут и там валялись павшие кони, разбитые седла, пики и шашки. Оказывается, гусары, объезжая все улицы, уничтожали пугачевцев. Все происходило после прибытия Михельсона. Пугачев был разбит и рассеян. Население крепости изголодалось. В течение нескольких дней запрещали открыть городские ворота. Старик Ибрагим все собранное продовольствие относил к крепости и через пушечные бойницы раздавал солдатам. Затем в городе было организовано судебное учреждение, и, приступив к разбору дел пугачевцев, некоторых повесили,

некоторых зарубили (избили). Был один беглый солдат, Исмагил по имени, который, оказывается, состоял командиром батареи. Его повесили между двумя (татарскими) слободами (в настоящее время на этом месте находится изгородь для конского косяка). Еще одного повесили на берегу озера. Один донской казак, не осведомленный о разгроме Пугачева, явившись в город, спрашивал: «Где наш батюшка?» На вопрос «кто твой батюшка» — он ответил: «Петр Федорович». Он был человеком с большой бородой. Тут же ему вытянули и отрезали язык.

Затем был разговор в судебном учреждении о бунтовщиках. Говорили, что казанские татары заодно с пугачевцами, всех их нужно истребить. Все члены судебного учреждения согласились с этим. Но, оказывается, в войсках Михельсона был один генерал из крещеных татар, — он не дал своей подписи. Он сказал, что татары своими ружьями (или припасами) помогли нашим войскам. Затем и запертые в городе солдаты заявили: «Если не кормили бы нас татары, то мы умерли бы; после выхода Пугачева из города нас кормили татары», — после чего казанцы были прославлены как помощники русских войск, сказывал он¹.

В этом году прибытия Пугачева в Казань, то есть в 1774-м, Пугачев дотла сжег и разрушил Казань. До прихода Пугачева вокруг крепости было несколько башен («минаретов»), — они им разрушены. Время прихода Пугачева в Казань стариками, в минувшие дни, было употребляемо в качестве исторической даты и эпохи. При определении возраста спрашивали друг друга: «Сколько лет было тебе в пугачевщину?» Одним было десять лет, другим — три года, а некоторые говорили, что он родился в пугачевском году, или: «я еще находился в утробе матери».

1 Т. е. отец Мухаммедзяна Аитова. В. З. (Примечание переводчика. – А. Л.)